А.Р.Аклаев

Этнополитические конфликты в Российской Федерации и проблемы легитимности власти

Как показал опыт последних лет существования СССР и последующего развития государств, образовавшихся на месте бывших союзных республик, многие аспекты межэтнической напряженности и конфликтов в постсоветском обществе связаны с институциональными проблемами. Они проявляли себя в ходе быстрой социально-политической трансформации многоэтничного государства федеративного типа, сложной динамики взаимоотношений между федеральным Центром, национально-государственными и административными образованиями в составе России. Многие современные этнополитические проблемы меняющейся Российской Федерации могут быть лучше поняты через их рассмотрение в контексте системно-политических процессов постсоветской модернизации и демократизации.

В данной статье мы хотели бы кратко остановиться лишь на некоторых аспектах проблематики современных этнополитических отношений в РФ и прежде всего на институциональных (конституционных) конфликтах. Мы остановимся, в частности, на следующих моментах: во-первых, насколько и

какие проблемы политической легитимности и идентичности представляются актуальными для полиэтничных постсоветских обществ и их модернизирующихся политических систем, во-вторых, на взаимосвязи федерализма как метода регулирования этнополитических конфликтов с решением вопроса о доверии власти на различных уровнях политических структур федерации и, наконец, в-третьих, на различие в восприятии политической легитимности разными политическими группами.

Общий контекст современных социально-политических изменений во многих, по крайней мере, европейских республиках бывшего Союза, образуют процессы посткоммунистической модернизации и демократизации их политических систем. Если в центр исследовательского внимания ставить процессы, а не состояния, то это логически требует аналитического вычленения динамических составляющих развития, рассмотрения ключевых, поворотных моментов процесса социально-политической трансформации. Следовательно, акцент следует сделать на кризисах как естественных и необходимых этапах развития и перемен. В этой связи макросоциологические и политико-социологические теории синдрома модернизации, в частности, теория кризисов как рубежей в последовательности изменений, дают возможность для лучшего понимания природы современного политического (в том числе и этнополитического) развития на постсоветском пространстве.

В литературе по исторической социологии, анализирующей историческое и политическое развитие, концептуальная разработка понятия “кризис” шла по трем основным направлениям.

Историки подходят к кризисам как к узловым, переломным политическим событиям, знаменующим существенный поворот в гражданской истории той или иной страны или региона. При этом подчеркиваются элементы гражданского конфликта, а само событие рассматривается через призму борьбы исторических факторов.[1]

Другой подход к трактовке кризисов представлен в рамках политологической теории политических систем и рассматри-

вает кризисы как важные функциональные изменения систем, как попытки преодолеть системное напряжение и стресс, чтобы таким образом обеспечить необходимую адаптацию и выживание системы.[2] При этом неважно, являются ли эти изменения “защитными” или “инновационными”; главное - необратимость послекризисного развития.

Наконец, теории политического развития (сложившиеся в рамках политической социологии в 1970-х - 80-х годах, а затем распространившиеся на социальные науки в целом) трактуют кризисы как типы проблем политического развития, с которыми сталкивается правительство и другие политические институты общества в процессе модернизации. Такое понимание кризисов было разработано не только теоретически в результате десятилетней работы междисциплинарной группы исследователей Совета по Общественным Наукам (США)[3], но и опробовано историками на основе кросснациональных социально-исторических исследований процессов модернизации как в развитых странах Европы на рубеже XIX-XX веков, так и на материале послевоенной истории стран третьего мира.[4]

Предложенный ими подход рассматривает политическое развитие как процесс последовательного разрешения серии (синдрома) кризисов модернизации (кризисы идентичности, легитимности, политического участия, распределения, пенетрации - государственного проникновения) в ходе попыток политических систем адекватно реализовать функции равенства, способности и адаптации. Эти пять кризисов представляют собой проблемы, а, следовательно, и аспекты процесса принятия решений правительством. Центральное место в модернизационном процессе занимают кризисы легитимности и идентичности, с которыми, в конечном счете, связаны все остальные. Разрешение кризиса требует от правительства существенной институциональной инновации, изменения политических институтов общества через создание новых или обновление функций уже существующих. Нерешенность или откладывание решения той или иной проблемы приводит к тому, что такая проблемная область превращается в кризисную ситуацию, становится ареной социальных конфлик-

тов, и, в конечном счете, проявляется уже в форме кризиса как события межгрупповой борьбы. Таким образом, кризисы образуют последовательность изменений, узловые моменты принятия Правительством (тем же самым или новым, сформированным в результате межгрупповой борьбы) решений о политико-институциональных преобразованиях, цепочку ситуаций, через которое общество движется в новом направлении своего политического развития.

Одним из индикаторов кризисной ситуации является наложение (одновременное сосуществование) проблемы легитимности системы или власти с любой из других проблем (идентичности, государственного проникновения, дистрибуции, политического участия).

Как известно, природа легитимности связана с ценностями гражданской лояльности, приверженности граждан государству, а сама легитимность представляет собой такую способность политической системы, при которой ее институты и конкретные власти рассматриваются гражданами как достойные поддержки.[5] М. Доган подчеркивает, что легитимность - явление не только политического, но и социально-психологического уровня. Легитимность является представлением, оно присутствует в сознании граждан и проистекает из убеждения, что власть предержащие в стране должны выполнять волю граждан.[6] Такое объяснение понятия, построенное на классической теории Макса Вебера, утверждает два постулата: признание власти правителей и одновременно обязанности управляемых ей подчиняться. Если граждане убеждены, что существующие в стране институты являются оправданными, то они рассматриваются как легитимные.

При этом наиболее тесная связь обнаруживается между легитимностью и идентичностью как базовыми социально психологическими компонентами политической культуры любого общества: лишь через восприятие легитимности как политических структур, так и властей, общественное сознание граждан формирует представления, чувства и ценности общенациональной идентичности.

Для целей нашего последующего рассуждения наиболее целесообразным представляется третий подход к концептуальной трактовке кризисов как к проблемам развития.

Категории легитимности и идентичности имеют очень важное значение для анализа межэтнических отношений, как отношений групп граждан, различающихся своей этнической принадлежностью. При этом легитимность и идентичность следует рассматривать прежде всего не как застывшие, раз достигнутые состояния, а как взаимосвязанные процессы легитимации политической системы и власти и соответствующие им процессы идентификации граждан с поддерживаемыми ими политической системой, ее структурами власти, властными элитами, конкретной политикой. В последнее время, интерес к проблематике процессов легитимации и идентификации нашел свое отражение в исследованиях по демократизации современных политических систем на конкретном сравнительном материале разных стран мира (работы Ф.Шмиттера, О'Доннелла, Д. Ди Пальма, Д.Линца и др.).[7]

Легитимность политических систем полиэтничных, культурно плюралистичных государств во многом зависит от того, насколько этнические группы, составляющие гражданское общество, воспринимают существующую систему и государственное устройство как адекватно выражающие их этническую идентичность.[8]

Центральной проблемой стабильности полиэтничных политических образований (государств или национально-государственных образований внутри федеративного государства) является соотношение и выработка адекватного баланса гражданской и этнической легитимации, гражданских и этнических идентичностей, ценностного основания национализма (этнический национализм - гражданский национализм).

Представляется, что современные политико-социологические теории и объяснительные модели могут быть в определенной степени применимы и к постсоветскому опыту. Вместе с тем, тот факт, что глубокие социально-политические изменения происходят на обширной и чрезвычайно разнообразной по своему этническому составу и куль-

турным традициям, требует более специфических объяснительных моделей и теорий прежде всего мезо-уровня, диктует необходимость конкретного регионального подхода к каждому из пост-советских государств.

Успешное решение проблемы политической легитимации власти в обществах переходного типа - одно из основных условий как успеха модернизационного процесса, так и достижения этнополитической стабильности в пост-советских республиках. Распад СССР был связан с делегитимацией советского режима и существовавшей власти, причем, как отмечается в литературе[9], роль этнического фактора была чрезвычайно велика. Главной проблемой правительств многих постсоветских государств, в том числе и России, является политическая легитимация центрального правительства со стороны не только административных, но и национально-государственных образований. Для республик России проблема этнополитической легитимности стоит в единстве с проблемой этнополитической идентичности (т.е. того, насколько этносы идентифицируют себя с существующей политической системой многонационального государства).

В этой связи реальное этническое, культурное и политико-институциональное многообразие республик в Российской Федерации очень важно и свидетельствует об определенной ограниченности применения макро-теорий, о необходимости их корректировки и существенной модификации при анализе конкретных ситуаций. Поэтому, еще раз подчеркнем, что для адекватного понимания современных этнополитических процессов в РФ очень важно: 1) осмыслить, на базе каких ценностей - этнонационализма или гражданского общества - осуществляются и имеют тенденцию осуществляться процессы этнополитической легитимации и идентификации в различных республиках и в РФ в целом; 2) оценить, какие конкретные конфигурации гражданского и этнического измерений национализма и идентичности в современных условиях РФ могут способствовать достижению не только политической стабильности, но и прогресса демократизации в России.[10]

В конфликтологии федерализм (разделение власти между уровнями государственной структуры) обычно рассматрива-

ется как один из подходов к регулированию этнополитических конфликтов путем институционализации механизма разрешения конфликта.[11] С точки зрения политического развития и системно-политических изменений, федерализм и федеральные реформы можно также рассматривать как механизм, при помощи которого политическая система многонационального государства стремится выработать баланс между общенациональной идентичностью граждан федерации и плюрализмом их этнических идентичностей, чтобы таким образом поддержать и даже укрепить степень своей легитимности. Наблюдающееся соответствие или диспропорции в типе и уровне доверия к власти, ее институтам и правящим лидерам на республиканском и федеральном уровнях могут свидетельствовать о прогрессе или, наоборот, о трудностях федеративной реформы и принятия политических решений, являются важным индикатором интенсивности институционального, конституционного конфликта в этнополитической системе государства.

При рассмотрении динамики конституционного конфликта федерального центра и республик в РФ 1990-х годов и способов его регулирования можно выделить несколько основных этапов.

1. Лето 1990 - август 1991. Принятие Декларации о суверенитете РСФСР в составе Союза ССР и последовавший за этим “парад суверенитетов” - принятие Деклараций о суверенитете бывшими автономными республиками в составе России. Как известно, многие автономные республики России участвовали в Ново-Огаревском процессе наравне с союзными республиками. При этом центральные власти РСФСР для реализации суверенитета и интересов России, вступившей в острый конфликт с федеральными органами Союза, его Верховным Советом и Президентом СССР, стремились заручиться поддержкой или хотя бы “выжидательным нейтралитетом” правительств республик в составе России и демонстрировали подчеркнуто благосклонное отношение к проявлениям этнополитического самоутверждения и суверенизации бывших российских автономий. Широко известным лозунгом того времени было приглашение республик “взять

себе столько суверенитета, сколько они могут проглотить". Августовский (1991) путч прервал Огаревский процесс и одновременно положил конец стремлениям бывших автономий выровняться в политическом статусе с бывшими республиками.

2. Осень 1991-зима 1992 характеризовались переговорами федерального центра с республиканскими и региональными властями о договорных началах федерации и закреплении принципа разграничения властных полномочий через подписание Федерального Договора, который подписывался как национально-территориальными (республиками), так и административными образованиями (областями, краями). Федеративнй Договор, подписанный практически подавляющим большинством республик и всеми регионами в целом значительно снизил напряженность в отношениях центра и субъектов федерации.

3. Весна-Лето 1992 - лето 1993 знаменует собой период двоевластия и резкого противостояния законодательной и исполнительной властей на федеральном уровне и их лавирования в отношениях с республиками и областями. На Конституционном совещании встал вопрос о выравнивании статуса республик и областей, особенно в том, что касается объема социально-экономических прав.

4. Лето-октябрь 1993 отмечались попытками конфликтующих между собой законодательной и исполнительной ветвей федеральной власти заручиться поддержкой республик и регионов. Для этого периода были характерны маневры в ходе попыток принятия новой Конституции, поиски нестандартных путей федеральной реформы и попытки законодательно оформить различие в статусе республик и областей. Широкий и интенсивный переговорный процесс включал в себя осторожные попытки использования методов ассимметричной федерации по отношению к республикам, последовательно отстаивавшим принципы особого статуса в составе РФ (например, Татарстан, а также - в меньшей степени - Башкирия).

5. Ноябрь 1993 - ноябрь 1994 - переход к более твердому курсу на безусловную единообразную (территориальную) вертикальную субординацию республик и регионов по отно-

шению к федеральному центру путем законодательного закрепления, преимущественно административных и территориальных, принципов федеративного подчинения и сглаживания различий между республиками и регионами в политических документах и заявлениях центральных лидеров. Это нашло отражение в ходе и в результатах выборов и референдума в декабре 1993. Как известно, из всего веера общероссийских партий лишь партия “Прес” включила в свою избирательную платформу положение об ассимметричной федерации, в то время как проект Конституции 1993 текстуально не включал в себя какие-либо упоминания, связанные с “суверенитетом республик”, которые на предыдущем этапе довольно часто мелькали в речах многих представителей центральной власти. Вместе с тем, ни федеральный центр, ни правительства тех республик, которые были не согласны с переориентацией федеральной политики не пошли на открытую идеологическую конфронтацию, и, казалось, не замечали прямых противоречий в текстах федеральной Конституции и новых Конституций республик (например, Татарстана, Тувы, Якутии) по поводу трактовки того, что раньше условно обозначалось как “суверенитет республик в составе России”. Очевидно, что консенсус по вопросам федеративного строительства не был достигнут, однако ни центр, ни республики не хотели открыто обострять взаимные противоречия в условиях ограничений стабильности после октябрьского (1993) путча. Вместе с тем в этот период продолжался переговорный процесс центра с республиками, что успешно реализовалось в заключении двустороннего договора о разграничении полномочий между органами власти РФ и республики Татарстан в 1994. К сожалению, переговорный процесс с Чечней оказался неуспешным.

Можно предположить, что данный этап закончился в ноябре 1994 года, когда произошло резкое изменение в политике Центра по отношению к Чечне. В частности, пример Чечни показывает, что ненасильственные методы, переговоры федерального центра и/или ситуативные увещевания и экономический прессинг были дополнены силовыми методами со стороны федеральных властей.

Оценивая процесс легитимации политической системы в меняющейся РФ в течение 1990-94 годов и ту его составляющую, которая связана с доверием и моральным оправданием федеративного устройства, можно заметить, что уже в ходе четвертого периода этнополитическая легитимность проявила себя как проблемная область в процессе принятия решений центральным и некоторыми республиканскими правительствами. Эта проблемная область политического развития, хотя, безусловно, еще и не угрожала политической стабильности, тем не менее характеризуется определенной долей вероятности превращения в кризисную ситуацию.

Данный факт связан прежде всего с итогами референдума 12 декабря 1993 по принятию новой Конституции РФ и их неоднозначной последующей интерпретацией как на уровне центра и регионов, так и на уровне некоторых республик. Как известно, официальные результаты референдума зарегистрировали, что 58,4% избирателей из 54,8% граждан, принявших участие в голосовании, высказались в поддержку нового конституционного устройства (в том числе и федеративного устройства).

Вместе с тем, на референдуме оппозиция новой Конституции в республиках проявилась сильнее, чем в областях. Так, из числа проголосовавших избирателей, проживающих в республиках, лишь 47,9% высказались за Конституцию, в то время как в областях за нее проголосовали не менее 60%. Только в 9 из 21 республиках (Алтайская, Бурятия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карелия, Мари-Эл, Саха(Якутия) и Северная Осетия) пришло к избирательным урнам свыше 50% общего числа избирателей и свыше 50% высказались в поддержку новой Конституции. В Татарстане, где правительство и лидеры национальных движений обеих этнических общин призвали не участвовать в голосовании, в референдуме участвовало менее 15% имеющих право голоса и, таким образом, согласно закону, он не состоялся. Менее 50% избирателей пришло к урнам еще в трех республиках - Удмуртии, Хакассии и Коми. В Чечне, по решению местных властей, референдум не проводился вообще.

В целом, в 16 из 21 республик в референдуме участвовало свыше 51%, однако в 7 из 16 республик большинство проголосовавших высказалось против Конституции (Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Мордва, Тува, Чувашия). В целом, такие итоги референдума являются симптомом одновременно и прогресса, и серьезного дисбаланса, и даже снижения уровня легитимности центрального правительства среди граждан в российских республиках. Таким образом, конституционная реформа 1993 года получила весьма низкое морально-политическое доверие, а в ряде республик - и откровенное недоверие.

Данные этносоциологического исследования, проведенного весной-летом 1994 по проекту “НИК” в Северной Осетии, Саха (Якутии), Татарстане и Туве, также свидетельствовали о различиях в политических ориентациях, прежде всего в уровне и параметрах этнополитической легитимации, среди этнических и социальных групп населения этих республик.

В таблице 1 представлены результаты ответов респондентов на вопрос о том, какой власти они больше доверяют (данные опроса городского населения).

Ограниченность объема данной статьи не позволяют детально остановиться на всех результатах исследования, поэтому мы подробнее остановимся лишь на некоторых из них. В частности, обращают на себя внимание следующие моменты.

Во-первых, это более низкий уровень доверия к общероссийской центральной власти, чем к республиканской. Во всех республиках доля респондентов титульных национальностей, указавших при опросе, что они больше доверяют республиканской власти, в 8-10 раз выше, чем доля тех, кто указали, что больше доверяют общероссийской власти. Среди русских респондентов в республиках, кроме Тувы, также большее число указали на доверие к властям республики. Интересно, что как среди русского, так и среди титульного населения те, кто более доверяют республиканской власти или в равной степени республиканской и общероссийской власти, одновременно положительно ответили на вопрос о том, что провозглашение республиканского суверенитета привело к пози-

тивным результатам в политической и (чуть менее) в экономической сферах. Вместе с тем, доля русских респондентов, доверяющих в равной степени общероссийской и республиканской власти, в Туве и Саха(Якутии) примерно одинакова, в отличие от Северной Осетии и Татарстана.

Во-вторых, достаточно высокий уровень легитимности республиканской власти среди представителей как титульной, так и нетитульной национальности свидетельствует о наличии межэтнического консенсуса и базы для гражданской консолидации (наиболее яркий пример дает Татарстан). Так, во всех республиках доля респондентов титульной национальности, испытывающих доверие к республиканской власти превышает 50% (см. табл. 2) В то же время, доля русских респондентов, указавших на доверие преимущественно к общероссийской власти, ни в одной из республик не достигает 50% (от 28% в Татарстане до 43% в Северной Осетии); в Татарстане доля русских респондентов, указавших на доверие республиканской власти или же - республиканской и общероссийской в равной степени (38,5%) даже выше, чем доля тех, кто указал на доверие общероссийской и республиканской власти (28,9%).

В-третьих, довольно высока, как среди русских, так и среди титульных народов, доля политически отчужденного населения (от 1/4 в Осетии и Туве до 1/3 в Саха (Якутии), указавших, что не доверяют ни той, ни другой власти. Среди респондентов титульной национальности такие составили от 17,3% в Туве до 31,7% в Якутии; среди русских респондентов - от 28,7% в Татарстане до 36,6% в Якутии. Для оценки тенденций и перспектив регулирования межэтнических конфликтов очень важно, как поведет себя эта часть населения обеих национальностей.

Рассмотренные выше ответы на общий вопрос о доверии к власти отражают системно-аффективный компонент легитимности и дают возможность оценить уровень доверия (т.е., доверия вообще, безусловного доверия) системе, представить, насколько отвечающие идентифицируют себя с уровнями политической власти в этой системе, воспринимают тот

или иной уровень власти как свой, пользующий моральной поддержкой своей этнической группы.

Вместе с тем, важна и инструментальная составляющая легитимности (специфическое доверие), которая связана прежде всего с оценкой эффективности власти (ее исполнительская легитимность), т.е., того, насколько успешно власть способствует реализации материальных и политических интересов. Таблица 3 приводит данные ответов респондентов на вопрос о том, на кого они лично больше рассчитывают в защите своих интересов.

Наконец, важным следствием и проявлением этнополитической легитимности является моральная поддержка и оправдание такой функции государственной власти как исключительно законное право использования и применения принуждения. В таблице 4 приведены результаты оценок допустимости использования федеральной армии в случае возникновения межнациональных конфликтов. Как видно из таблицы, в этом случае различия в оценках разных групп населения в первую очередь связаны с реальной конкретной ситуацией межэтнического конфликта в той или иной республике. В материалах опроса обращают на себя внимание различия в оценках не только между респондентами титульной и русской национальностей в каждой из республик, но и различия межреспубликанские, в частности, между мнением респондентов обеих этнических групп из Северной Осетии, находящейся в ситуации острого межэтнического насильственного конфликта и другими 3 республиками (Татарстан, Тува, Саха (Якутия)), в которых этнополитический конфликт протекает в ненасильственных формах.

Важна и оценка арбитражной функции государственной власти, ее роль как межэтнического непредвзятого и справедливого арбитра, медиатора и регулятора межэтнических отношений, в том числе и конфликтных. Таблица 5 содержит результаты ответов на вопрос о том, с чем респонденты связывают надежды на улучшение межнациональных отношений и регулирование конфликтов в будущем. В связи с ответами респондентов на этот вопрос, мы хотели бы привлечь внимание к двум моментам.

Во-первых, как титульные национальности, так и русские в республиках основные надежды связывают с мудростью народа (от 1/2 до 2/3 опрошенных) и лишь затем - с деятельностью государства (от 1/3 до 1/2 опрошенных, опять-таки независимо от их этнической принадлежности).

Во-вторых, когда речь идет о деятельности конкретных государственных структур (президента и правительства), то наблюдаются существенные различия в мнении респондентов, принадлежащих к различным этническим группам. Среди респондентов титульной национальности доля тех, кто связывает надежды преимущественно с правительством или президентом республики примерно в 2-2,5 раза больше (от 26,8% в Туве до 49,3% в Осетии), чем тех, чьи надежды связаны с Президентом РФ (от 11,2% в Татарстане до 25% в Осетии). Русские же респонденты почти в равной мере в Якутии и Туве связывают свои надежды на регулирование межэтнических конфликтов как с деятельностью Президента РФ, так и с деятельностью Президента республики (23% и 26% соответственно в Якутии, 26% и 24% соответственно в Туве). Следует особо отметить, что в Татарстане и Северной Осетии русские респонденты чуть большее предпочтение отдают даже Президенту республики, а не РФ (28,9% и 20,1% соответственно в Татарстане и 30,2% и 38,6% соответственно в Северной Осетии). Представляется, что это является еще одним подтверждением того, что исполнительная власть на уровне республик уже на нынешнем этапе пользуется значительным доверием обеих этнических групп населения и способна выполнять консолидирующую роль по отношению ко всему гражданскому населению.

В заключении, мы хотели бы остановиться на оценке проблемы этнополитической легитимности как фактора современной этнополитической ситуации в РФ.

Представляется, что легитимность является важным фактором двух, причем не всегда однонаправленных и совпадающих между собой процессов: с одной стороны, - этнополитической стабильности и минимизации этнополитического насилия, а с другой стороны - попыток демократизации постсоветской политической системы. Демократизация политиче-

ской системы многонационального государства неизбежно ставит проблему демократизации и этнополитических отношений, важным структурным проявлением которых является федеративная структура государства в целом, баланс властных полномочий и политических интересов республик и центра. В качестве выводов хотелось бы отметить несколько моментов в этой связи.

Первый. Более или менее прочное и долговременное разрешение кризисов постсоветского модернизационного синдрома невозможно без достижения успешной этнополитической легитимации политической системы как на федеральном, так и на республиканском уровнях. Другими важными объектами этнополитической легитимации являются государственные институты власти и правительства в центре и в республиках. Легитимация тесно связана с решением проблемы политической идентичности. Для этого необходима позитивная идентификация (а не отчуждение) всех или большинства этнических групп с властью как своей, которая выражает, помимо всего прочего, и специфические этнополитические интересы и культурную идентичность каждой из этнических групп полиэтничного гражданского общества. Основой успешного разрешения модернизационных кризисов идентичности и легитимности в постсоветской России, как это ранее случалось в других демократизирующихся государствах Европы и мира, может стать адекватный баланс ценностей этнического возрождения и этнонационализма с альтернативными социальными ценностями демократичного гражданского общества и нации как со-гражданства (гражданского национализма)[12]. Повышение стабильности федеративной системы современной России в долгосрочной перспективе требует согласования ценностей гражданского общества и ценностей национализма. Это связано с проблемой двуединого процесса этничной легитимации и политической идентификации центральной власти со стороны титульного населения республик и, одновременно, - республиканских властей со стороны русского населения. Пока что очевидный и безусловный прогресс достигнут лишь на уровне республик и

то не везде. В качестве позитивного примера можно привести Татарстан и татарстанцев.

Второй. Как показывает опыт этнополитического развития РФ последних двух лет, современная объективная ситуация и различия в субъективных политических ориентациях этнических и социальных групп в республиках России свидетельствуют о том, что проблема преодоления этнополитического отчуждения и этнополитическая легитимация всех уровней федеративной структуры будет одним из основных факторов динамики трансформирующейся Российской Федерации. Федерализм, переговорный процесс и эффективная конституционная реформа как средство регулирования межэтнической и политической напряженности и этнополитических конфликтов обладают большим потенциалом в современных условиях России, который еще ждет своего полного раскрытия для достижения прочного гражданского и межэтнического мира.

Институциональный аспект федерализации предполагает последовательную политико-правовую реформу многонационального Российского государства на принципах гибкой и вариантной федерации, т.е. с учетом исторически сложившегося на сочетании территориального и этнотерриториального принципов. Пока что, как на уровне федерации, так и на уровне республик можно говорить преимущественно о легитимности власти и доверии к конкретным лидерам и их политике. Очень важно, чтобы результатом федеративных форм стало становление легитимности новой системы межэтнических политических отношений в целом.

Третье. Результаты проведенного опроса свидетельствуют об особой значимости социально-психологического аспекта проблемы этнополитической легитимности, связанного с восприятиями и ценностями людей различной этнической принадлежности.

Основой гражданской легитимации власти и политической стабильности как в республиках, так и на уровне федерации в целом могут стать не этноприоритетные, а только консолидирующие ценности. Основная задача в этой связи - формирование гражданского сознания, гражданской лояльности и

идеологии нации как со-гражданства, что может стать базой общероссийской гражданской идентичности и легитимности не только власти, но и всей политической системы многонационального российского общества.

Таблица 1.

Какой власти больше доверяют
(горожане в %)

	Осетины Северной Осетии	Якуты Республики Саха (Якутия)	Татары Татарстана	Тувинцы Республики Тува
Больше доверяют республиканской власти	40.8	39.8	41.2	43.1
Доверяют общроссийской и республиканской власти в равной степени	15.7	16.5	8.8	20.5
Больше доверяют общероссийской власти	4.0	2.1	4.2	4.1
Не доверяют ни той, ни другой власти	21.6	31.7	26.6	17.3
Затрудняюсь ответить	17.9	9.9	19.2	15.0
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0

	Русские Северной Осетии	Русские республики Саха (Якутии)	Русские Татарстана	Русские республики Тува
Больше доверяют республиканской власти	11.1	18.7	20.8	8.5
Доверяют общероссийской и республиканской власти в равной мере	29.5	15.5	17.7	22.5
Больше доверяют общероссийской власти	13.6	15.2	11.2	14.6
Не доверяют ни той ни другой власти	29.5	36.6	28.7	34.8
Затрудняюсь ответить	16.3	14.1	21.6	19.6
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0

Таблица 2.

Какой власти больше доверяют
(некоторые суммированные показатели) (горожане в %)

	Осетины Северной Осетии	Якуты Республики Саха (Якутия)	Татары Татарстана	Тувинцы Республики Тува
Выразили в той или иной степени доверие к республиканской власти, в том числе	**56.5**	**56.3**	**50.0**	**63.6**
Больше доверяют республиканской власти	40.8	39.8	41.2	43.1
Доверяют общероссийской и республиканской власти в равной мере	15.7	16.5	8.8	20.5
Выразили в той или иной мере доверие к общероссийской власти, в том числе	**19.7**	**18.6**	**13.0**	**24.6**
Больше доверяют общероссийской власти	4.0	2.1	4.2	4.1
Доверяют общероссийской и республиканской власти в равной мере	15.7	16.5	8.8	20.5

	Русские Северной Осетии	Русские Республики Саха (Якутия)	Русские Татарстана	Русские республики Тува
Выразили в той или иной степени доверие к республиканской власти, в том числе	**40.6**	**34.2**	**38.5**	**31.0**
Больше доверяют республиканской власти	11.1	18.7	20.8	8.5
Доверяют общероссийской и республиканской власти в равной мере	29.5	15.5	17.7	22.5
Выразили в той или иной мере доверие к общероссийской власти, в том числе	**43.1**	**30.7**	**28.9**	**37.1**
Больше доверяют общероссийской власти	13.6	15.2	11.2	14.6
Доверяют общероссий-	29.5	15.5	17.7	22.5

ской и республиканской власти в равной мере				

Таблица 3.

На кого больше всего рассчитывают в защите своих интересов (горожане в %)* (возможны несколько ответов, сумма не равна 100 %)

	Осетины Северной Осетии	Якуты Республики Саха (Якутия)	Татары Татарстана	Тувинцы Республики Тува
На себя самого	71.4	64.3	66.5	55.6
На своих родственников и друзей	56.5	46.0	47.1	41.6
На свою национальную или религиозную общину	1.1	5.6	7.2	7.6
На местные (городские или районные власти)	7.2	11.8	7.4	13.7
На власти республики	40.8	38.0	22.9	38.9
На российское правительство	17.3	3.2	1.8	10.9

	Русские Северной Осетии	Русские Республики Саха (Якутия)	Русские Татарстана	Русские Республики Тува
На себя самого	71.3	71.7	63.9	60.9
На своих родственников и друзей	35.1	22.2	31.1	31.2
На свою национальную или религиозную общину	2.6	1.7	0.3	1.1
На местные (городские или районные власти)	14.5	7.2	7.1	9.2
На власти республики	27.8	19.9	23.1	18.2
На российское правительство	29.4	13.5	15.9	29.2

[1] Вопрос формулировался: "Скажите, пожалуйста, Вы лично как татарин (как русский человек) живущий в Татарстане на кого более всего можете рассчитывать в защите Ваших интересов?"

Таблица 4.

Надо ли использовать армию в случае возникновения межнациональных конфликтов (горожане в %)

	Осетины Северной Осетии	Якуты Республики Саха (Якутия)	Татары Татарстана	Тувинцы Республики Тува
Внутри России				
1. Да	39.5	10.1	7.7	4.7
2. Нет	10.7	45.4	49.2	49.9
3. Зависит от обстоятельств	43.7	35.3	26.5	26.6
4. Затрудняются ответить	6.1	9.2	16.6	18.8
Вне России				
1. Да	13.0	7.6	6.5	4.8
2. Нет	23.6	44.7	53.5	43.1
3. Зависит от обстоятельств	50.1	29.9	22.0	30.5
4. Затрудняются ответить	13.3	17.8	18.0	21.6

	Русские Северной Осетии	Русские Республики Саха (Якутия)	Русские Татарстана	Русские Республики Тува
Внутри России				
1. Да	35.3	11.3	12.1	13.7
2. Нет	16.4	35.7	42.2	36.4
3. Зависит от обстоятельств	38.3	39.4	31.4	39.8
4. Затрудняются ответить	10.0	13.6	14.3	10.1
Вне России				
1. Да	9.5	8.0	7.0	5.8
2. Нет	38.0	41.6	44.7	42.2
3. Зависит от обстоятельств	39.8	33.2	28.5	39.2
4. Затрудняются ответить	12.7	17.2	19.8	12.8

Таблица 5.

С чем связывают надежды на улучшение межнациональных отношений и урегулирование конфликтов (городские респонденты)

(возможны несколько ответов, сумма не равна 100 %)

	Осетины Северной Осетии	Якуты Республики Саха (Якутия)	Татары Татарстана	Тувинцы Республики Тува
С защитой человека государством	45.1	44.8	40.9	37.3
С деятельностью республиканского правительства	29.6	31.8	30.2	30.1
С деятельностью президента РФ	25.0	21.8	11.2	15.0
С деятельностью президента республики	49.3	42.4	37.9	26.8
С мудростью народа	65.3	55.1	54.5	50.1
Другое	0.8	1.8	2.4	1.6

	Русские Северной Осетии	Русские Республики Саха (Якутия)	Русские Татарстана	Русские Республики Тува
С защитой человека государством	40.4	34.6	36.0	35.4
С деятельностью республиканского правительства	24.6	16.5	22.3	15.1
С деятельностью президента РФ	30.2	23.1	20.1	26.9
С деятельностью президента республики	38.6	26.0	28.9	24.4
С мудростью народа	73.2	59.5	60.3	44.6
Другое	0.5	1.7	2.4	4.2

[1] Среди фундаментальных современных теоретических и макро-компаративных работ этого направления, посвященному гражданскому конфликту, можно отметить работы Ч. Тилли (например, Tilly Ch. et al. Rebellious Century, 1830-1930. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1975, основывающаяся на материалах сравнительной гражданской истории европейских стран, работы группы историков национализма на материале европейских стран под руководством Ч. Тилли: Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton, NJ: Princeton Univercity Press, 1978; теоретические основания изложены в работах Ч.Тилли: Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reeding: Addison-Wesley, 1978.) Конкретные исторические исследования, выполненные в рамках этого подхода, очень много.

[2] Работы классиков системного анализа Д. Истокова и Г. Алмонда 1960-х и начала 1970-х годов: Easton D. The Political System. New York: Alfred A. Knopf, 1953; его же, A Framework for Political Analysis. Enqlewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965; Almond G. & G.B.Powell, Jr Comparative Politics: System, Process, and Policy. Boston: Little, Brown and Co., 1966.

[3] Binder L., J.S. Coleman, J. LaPalombara, L. Pye, S. Verba and M. Weiner Crises and Sequences in Political Development. Princeton, NJ. Princeton University Press, 1971.

[4] См. работы Р. Шпорлюка, А. Зольберга, С. Пейна, К. Томаса и др. в коллективной монографии под редакцией Р. Грею: Grew, (ed.) Crises of Political Development in Europe and the United States. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.

[5] Lipset, S. Political Man. The Social Basis of Politics. New York: Doubleday, 1959:77. Сходное определение предлагается Ж. Линцем: “Легитимность - убеждение в том, что несмотря на все их промахи и недостатки, существующие политические институты являются наилучшими, нежели какие-либо другие, которые могли бы быть установлены и которым следовало бы подчиняться” (Linz, J., Legitimacy of Democracy and the Socieconomic System // M. Dogan (ed.) Comparing Pluralist Democracies: Strains on Legitimacy. Boulder, CO: Westview Press, 1988: 65).

[6] Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. М., 1994, No 6: С. 147-156.

[7] Работы Шмиттера-О’Доннела: O’Donnell G.& Schmitter Ph. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracy. Baltimore, MD: Jons Hopkins University Press (1986); Ди Пальмы: Di Palma, G. To Craft Democracies: Reflections on Democratic Transition and Bevond. Berkeley, CA: University of California Press (1990); на материалах стран Южной Европы, Линца и Степана: Linz J. & Stepan A. “Political Identities and electoral sequences: Spain, the Soviet Union and Yugoslavia”. Daedalus, 1992. P. 121, 123-139; Коланкевича и Шопфлина на материалах стран Восточной Европы: Kolankiewicz G. The Other Europe: Different Roads to Modernity

in Eastern and Central Europe // European Identity and the Search for Legitimacy. London, 1993.

[8] См. обсуждение проблемы и предлагаемые теоретические подходы к этнической легитимности в работах Д. Ротшильда (1981) и М. Эзмана (1994) по этнополитике.

[9] Зубок В.М. Источники делегитимации советского режима // Полис, 1994, No2.

[10] Мы имеем в виду типологию процессов демократизации, изложенную в работе С. Хантингтона: Hundington, S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1993. С. Хантингтон относит все постсоветское пространство к демократизации “третьей волны”.

[11] Среди последних работ , посвященных этой проблематике на сравнительном материале ряда стран Восточной Европы, бывшего СССР, Канады, Ирландии и Бельгии, см. McGarry J. & B. O’Leary (ed.) The Politics of Etnic Conflict Regulation. London, 1993.

[12] О необходимости формирования в России принципов нации как гражданства в качестве основы национальной консолидации см. Паин Э.А. Становление государственной независимости и национальной консолидации России: проблемы, тенденции, альтернативы.//Мир России, томIV,№1,1995.С.58-90.